

Творчество А.Д. Синявского в восприятии западных литературоведов***Раткина Татьяна Эдуардовна****аспирант**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия**E-mail: ratt@rbcmail.ru*

Андрей Донатович Синявский, безусловно, принадлежит к числу писателей, которые, живя в эмиграции, сохраняли тесную духовную связь с родиной. В 1973 году, вскоре после досрочного освобождения из лагеря, где он отбывал срок за «антисоветскую агитацию и пропаганду», Синявский эмигрировал во Францию. Там он прожил больше 20 лет, не переставая в художественной прозе и эссеистике размышлять о прошлом и будущем России, пристально следить за изменениями в ее культурной и политической жизни и надеяться на то, что его произведения будут опубликованы и, главное, поняты на родине. Но несмотря на это, Синявский, по словам его супруги Марии Розановой, всегда «легче находил общий язык с иностранной, чем с российской словесностью».

В отличие от большинства соотечественников, западные слависты дали его творчеству очень высокую оценку. Они сочли Синявского «одним из крупнейших российских мыслителей XX века» (В. Колоновский), тонким знатоком русской литературы. А его alter ego Абрама Терца – «удивительно одаренным» (В. Колоновский), «умным, смелым, очаровательным», открытым диалогу и сотворчеству, очень толерантным писателем (С. Сэндлер); и даже «крестным отцом» нового российского искусства.

Впрочем, найти «общий язык» с Синявским западным литературоведам помогли не комплименты и славословия, а осознание неуместности прокурорского тона, взгляда свысока в разговоре об уклончивом, воплощающем игровую стихию таланте Синявского-Терца. Произведения Синявского, точнее, его «лукавого подельника» Абрама Терца, нередко вызывают сильные эмоции, которые, как показал опыт российских критиков и литературоведов, могут помешать адекватному восприятию творчества писателя. Большинство зарубежных славистов, недвусмысленно выражая свое отношение к произведениям Синявского, все же уделяло значительно больше внимания анализу и сотворчеству, чем восторженным панегирикам или гневным филиппикам. Именно поэтому тон, стиль, тематика российских и западных исследований творчества Синявского сильно различаются.

В центре внимания иностранных литературоведов оказались вопросы, редко затрагивавшиеся или вообще не упоминавшиеся российскими критиками. Например, религиозный аспект творчества Синявского, его тесная связь с искусством скоморохов, приемы, с помощью которых автор лишает свои тексты однозначности и провоцирует читателя на диалог, и т.д. Характерной особенностью западных исследований является стремление дать широкий взгляд на каждое произведение Синявского, рассмотреть его в контексте всего творчества писателя и даже русской культурной традиции в целом.

Надо отметить, что выводы, к которым пришли иностранные литературоведы в процессе анализа творчества Синявского, отличаются от выводов соотечественников писателя. По мнению Х. Мурав, произведения Синявского о русской культуре – «исповедание веры в русский народ, в ненависти к которому его так часто обвиняли». А К. Теймер-Непомнящи сочла, что эссе Терца о Пушкине и Гоголе (как, впрочем, и другие его произведения) «могут стать мостом между сокровищами русской культуры прошлых веков и современным читателем». Западные исследователи вообще склонны считать Синявского не нарушителем, а продолжателем русской литературной традиции. Разные авторы нашли в его сочинениях параллели с творчеством Е. Замятина, В. Набокова, А. Ремизова, В. Розанова, Б. Пильняка, А. Белого, Ю. Олеши, русским фольклором, а также следы влияния Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, разумеется, Н. Гоголя и даже А. Пушкина. Появление же произведений в области «фантастического литературоведения» свидетельствует о том, что Синявский стремился

не только углублять свои познания в области русской культуры, но и, при помощи Абрама Терца, пробудить живой интерес к ней у читателей. Задача «чистого искусства» в целом и творчества Терца в частности, по мнению Э. Хабер, и состоит в том, чтобы будить мысль художественными, стилистическими средствами, а не развлекать, пророчествовать о светлом будущем или, наоборот, уводить прочь от реального мира. Опасения русских интеллектуалов напрасны: «чистое искусство» не предполагает «эскапизма». В реальности, в том числе и в ее политической составляющей, оно черпает материал и вдохновение.

В заключение хотелось бы упомянуть еще об одной отличительной черте исследований западных славистов, посвященных творчеству Синявского. Если для большинства российских критиков характерен политизированный подход к его произведениям, то иностранные литературоведы, напротив, стремились расширить сферу художественного, вотчину искусства в ущерб не только идеологии, но и ... действительности, находя эстетические объяснения даже фактам биографии Синявского. Так, К. Теймер-Непомнящи полагает, что использование литературной маски позволило Синявскому воплотить в жизнь свою идею о полном разделении искусства и действительности. Абрам Терц был нужен Синявскому не только, чтобы укрыться от КГБ, но, прежде всего, чтобы обогатить текст разнообразными смыслами, лишить читателя возможности прочесть его линейно, однозначно.

Даже суды и процессы над Синявским, Терцем и их «Прогулками с Пушкиным» трактовались рядом западных славистов с лингвистической точки зрения. Например, Х. Мурав рассматривает процесс 1966 года над Синявским и Даниэлем как типичный пример нарушения границ между жизнью и искусством, опасность чего сам Синявский всегда очень остро ощущал. Государство наказывает живого человека Андрея Донатовича Синявского как (или вместо) несуществующего в реальном мире сочинителя Абрама Терца, рассматривает условный художественный текст как реальное преступление – иначе говоря, пытается «втянуть» искусство в орбиту действительности, чтобы иметь право и возможность осудить и заставить понести кару. Синявский же, напротив, хочет «вовлечь закон в орбиту текста, чтобы лишить его жестокой однозначности». По мнению Мурав, Синявскому это удастся. Весь процесс воспринимается как отрывок из художественного произведения, причем вполне конкретного – из сочинения Абрама Терца «Суд идет», героя которого судят за «клевету, порнографические произведения и разглашение государственной тайны». Терц как будто становится автором, режиссером процесса над Синявским. Жизнь превращается в искусство, но заветная грань все-таки нарушена, а значит, трагических последствий не избежать...

Научный руководитель: Скарлыгина Елена Юрьевна, к.ф.н., доцент

Литература

1. Теймер-Непомнящи К. (2003) Абрам Терц и поэтика преступления. Изд-во Уральского университета, 309 стр.
2. Haber, E. (1998) In search of the fantastic in the Tertz's fantastic realism // Slavic and East European journal, № 42(2), p. 254-266.
3. Kolonovsky, W. (1998) Andrei Siniavski: puzzle maker // Slavic and East European journal, № 42(2), p. 385-398.
4. Murav, H. (1994) The case against Andrei Siniavski: the letter and the law // Russian review, № 53(4), p. 549-560.
5. Sandler, S. (1992) Sex, death and nation in the «Strolls with Pushkin» controversy // Slavic review, № 51(2), p. 294-308.